

СУДЬБА как хочет распорядится жизнью таланта. Одних одаривает признанием и славой с первых шагов и до последнего вдоха. Других отлучает от общей жизни, творящейся на земле, обрекает на долгое затворничество в мире собственных видений и чувств. Но и потом, когда уходит человек, судьба продолжает свою работу. Истывают, исчезают бесследно из исторической памяти гремевшие когда-то имена, прорастают и долго светят человечеству иные, чей голос при жизни был почти не слышен. Но пока жив художник, пока бьется его мысль, судьба, опытный искуситель, соблазняет его услужить мелкой заботе и суете. Горек тот, кто не устоял. Нелегко удел того, кто хранил верность своему дару.

Альфред Шнитке ни разу не отозвался судьбе - зазывале. Его обостренный слух композитора - философа улавливал слишком много из того, что вершилось в мире, происходило с человеком двадцатого столетия. В радостном многоголосье того времени (он начинал на рубеже 50—60-х годов) соло Шнитке звучало драматически, напряженно, пронзительно до откровения. Первые его сочинения дразнили непосвященных и заставляли недоумевать любителей. Его голос нельзя было спутать ни с кем, но и сравнить его тоже было не с кем. Новизны его музыкального изложения, глубокого, порой доходящего до трагического итога осмысления было достаточно, чтобы его музыка оказалась вне официально приветствуемого течения. Почти за двадцать лет работы из семидесяти произведений композитора Министерством культуры в виде исключения были закуплены... два.

— Конечно, было много оснований, чтобы перестать работать и покориться существующим обстоятельствам. Двадцать, пятьдесят, а еще пять лет назад безотказно работал механизм торможения. Любая самостоятельность—мышления, воззрений, высказывания — предавалась анафеме. Это не означает, что не было талантливых людей, что не появились в литературе, живописи, музыке уникальные, замечательные сочинения, они неизбежно возникают если не благодаря, то вопреки, но проявиться, быть услышанным, увиденным, прочитанным — такую возможность имели далеко не все. И возникало какое-то ощущение недоверия к самому себе.

Такое же ощущение недоверия, а точнее, путаницы, возникало и у слушателей. Они говорили не столько то, что они думают, сколько то, что усвоили со страниц газет. Сомневались в собственных мыслях и ощущениях. Были утрачены истинные ориентиры, те, по которым только и можно вести отсчет нового в искусстве. Вершины же тщательно хоронили под толщей умолчания — тут примеров множество. Помните у Гете? «Душа, увя, не страдает счастьем, но может выстрадать себя». Вот мы себя и выстрадали. Я говорю «мы» потому, что многие были в таком же положении. Кто-то не смог противостоять жизни и ус-

тупил. Я же был одним из тех, кто не желал потерять себя.

Никто из нас не мог предполагать, что наступит время, когда о нашей музыке будут говорить. И то, что сейчас такое время пришло, вовсе не означает, что оно долговечно. За приливом следует отлив. Реальность невероятно изменчива. Но мы всегда старались быть независимы от внешних реалий, благоприятны они или нет. Думаю, что подлинную, конечную задачу художника ничто не могло изменить и не изменило. Ху-

А силы уходили. Сказывалось многолетнее напряжение. Все труднее было не слышать, не замечать. Еще ныли старые раны, а душе приходилось принимать новые. Но Шнитке работал. Он не знал, как близок день, когда обрушится на него страшная болезнь. Но, может быть, было какое-то предчувствие? За полгода композитор написал шесть крупных сочинений. Одно из них — Четвертый концерт для скрипки с оркестром — Шнитке посвятил гениально-

раза бывавал «там». Счастьем казалась оставленная мне жизнь, даже не думал, смогу ли работать, ходить. Жив — это главное. Но, слава богу, и работаю, и хожу. Единственное, что изменилось, — мое ощущение времени. Я стал ощущать его снова, как в детстве, когда каждая минута, час, день имеют свою собственную ценность. Почему? Да потому, что все, что с нами вначале происходит, воспринимается серьезно и с удивлением. Мы познаем мир, и каждое мгновение чему-то учит. Позже

рической памяти, которые считают, что, возвращая из небытия горькие страницы нашей биографии, мы наносим ущерб людям, их душевному спокойствию...

— Дело не в том, существует ли в нас сама по себе память о прошлом или же мы осознанно пытаемся что-то забыть, оторгнуть. Важно иное: как мы относимся и к прошлому, и к настоящему. Именно память о прошлом должна нам помочь разобраться в настоящем. Я понимаю, мы столько лет прожили в немоте, так долго страдали от невозможности сказать правду, что, когда открылись шлюзы запретов, хлынул ошеломляющий поток откровений. Мы впустили страдания в свое сердце, стали задаваться вопросом: кто виноват? — это естественно. Но мне кажется, что пора искать ответ и на другой вопрос: что же делать? Ведь мы живем сегодня, мы дети своего времени. А оно требует от нас не меньшей энергии мысли и деятельности. Оно так противоречиво, многогранно. Наше время проявило не только огромный духовный потенциал народа, его невероятную любовь к своему Отечеству, его готовность забыть все лживые обещания и начать все сначала, но и обнаружило немало темных сил, которые, прокрывшись под знаменами демократических свобод, пытаются утвердиться и представляют вполне реальную угрозу начавшимся переменам в стране. Помня о прошлом, мы не должны упустить сегодняшний день.

— Но тут, наверное, должны сказать свое слово и современные художники.

— Знаете, само слово «современный» для меня имеет двойной смысл. С одной стороны, оно как бы сулит вечную актуальность, видимо, к этому нас приучил расхожий штамп, что классика всегда современна. Но она современна потому, что всегда занималась вопросами вечными, исследовала жизнь человеческого духа. А мы часто подменяем понятие «современный» иным, тем, которое точнее было бы назвать «своевременный». А наша жизнь ежесекундно меняется, и если ты сегодня современен, то лишь до вечера. Поэтому для художника, кроме чувства современности, важно ощущение бесконечно продолжающейся жизни, той, которая была до него, пульсирует сегодня и будет завтра. Если художник способен слышать эхо минувшего, симфонию сегодняшнего времени и улавливать интонацию будущего, тогда он может надеяться на понимание тех, кто придет за нами.

Двадцатый век достаточно испытал человечество — войны, кризисы, безработица, надвигающаяся экологическая катастрофа... Мы слишком долго были все разобщены, пытались бороться в одиночку. Может быть, страдания сделали нас мудрее, но когда я был в Европе и Америке, то увидел, как художники самых разных ориентации озабочены едиными проблемами, как они стремятся понять и узнать друг друга. В этом стремлении к всеобщему единению светится надежда, надежда на то, что здоровый смысл одержит верх и наш общий многострадальный дом — Земля еще долго будет жить в покое и мире.

ЖИЗНЬ ДЕЛАЕТ НАС МУДРЕЕ

Альфред ШНИТКЕ:

дожник должен оставаться критичен по отношению ко всему (и к себе в первую очередь) и не должен поддаваться никаким обстоятельствам. Сегодня мно- го повернулось в светлую сторону, но и в нынешней ситуации жива несправедливость, которую я болезненно ощущаю. Моя музыка — лишь часть огромного материка, которому я принадлежу. Я не могу понять, как можно говорить о современной музыке, не упоминая сочинений С. Губайдуллиной, В. Сильвестрова, А. Тертеряна, Э. Денисова, А. Волконского? Не могу понять, почему так редко исполняют их сочинения, почему не пишут о них, не говорят? Это же и есть современная советская музыка, но почему-то лишь я оказался центром притяжения интереса. Это глубоко несправедливо...

ВРЕМЯ — оборотень: из надсмотрщика превратился в мецената. Музыка Шнитке со всей силой и страстью загворила с людьми. Она элитарна? Доступна лишь избранным? Как много в таком случае у нас избранных. Шесть вечеров подряд почти тысяча человек заполняла концертный зал Горьковской филармонии, где проходил фестиваль музыки Шнитке, а сколько оставалось там, у подъезда, продуваемых холодным мартовским ветром, не уходящих в надежде на везение...

Опускалась тишина, легкий взлет дирижерской палочки вызывал к жизни музыку Шнитке, и с этого мгновения мысли и чувства тысячи людей сопрягались с мыслями и чувствами многоликого, противоречивого, тревожащего мира композитора. Да, музыка Шнитке не любит ленивых душой и неподвижных мыслью. Она исповедальна, и потому ей нужен собеседник сосредоточенный, готовый к размышлению. Она слишком долго шла к этому диалогу и теперь имеет право выбирать. Как сделал когда-то свой выбор и сам композитор. Он пыл против течения, одолевает сопротивление непонимания и словно не принимал, словно не слышал оскорбительных окриков. Он работал. Неистово. Отрешенно. Веруя.

му скрипачу Гидону Кремеру. ...Взорвался овацией зал. На сцене Гидон Кремер. Мгновение безмолвия, и легкие, летящие, словно стихийно возникающие первые звуки. Это начало концерта, это начало жизни — безмятежное, беспечальное, обещающее. Но это всего лишь светлое воспоминание. Накатывает, захлещивает, увлекает в свой беспощадный водоворот иная жизнь. Уже не жалуется — рыдает скрипка. Но кто услышит этот одинокий голос? Кому нужно истинное слово художника? Грубо, бесцеремонно то один инструмент, то другой, а то и все сразу перебивают, поучают слабо звучащую скрипку, и вскоре потонет она во всеобщей какофонии воплей. Раздавлен, сломлен художник. Раздвоена, разорвана его душа. Он покорился. Мечутся в онемевшем пространстве руки скрипача, парит смычок, но умолкла скрипка. Маленькая, художничья фигура Гидона Кремера вдруг словно вырастает в огромную трагическую фигуру скорби по предавшему себя художнику. А когда, пережив падение, Кремер заиграет вновь, мы увидим, что в оркестре появился у него двойник, тень его, вторящая каждому звуку. Она скоро заживет самостоятельной жизнью и уничтожит художника, которому останется лишь воспоминание о былом.

Как играл Кремер! Слово подхваченный вдохновением гения, великолепно звучал симфонический оркестр Горьковской филармонии. И главный дирижер оркестра Владимир Зива был в тот вечер истинным властителем музыки. Посвященный в тайну композиторского замысла, Гидон Кремер всех одарил своей разгадкой: то звучала не музыка, а жизнь и судьба.

После Четвертого концерта Альфред Шнитке успел написать еще Концерт для альта с оркестром — «очень мрачное, экспрессивное произведение, в котором в каком-то смысле был предельно искренен». Вскать неслошь время, на пороге стояла болезнь.

— Это было страшно. Я три

нас захватывает центробежная сила суеты и появляются иные, кажущиеся нам более ценными мерилла нашей жизни. Мы как-то больше ориентируемся на них, а по саму жизнь забываем. А надо ее слушать и слышать. Она и мудра и жестока, она может ввести в заблуждение, но сама же потом подкажет выход и укажет источник, где можно обрести новые силы. Каждому человеку в этой жизни отведено какое-то место. Многие страдают от того, что так и не нашли себя в этой жизни, а ведь каждому есть свое предназначение. Как его угадать? Слушать жизнь и себя.

— Слушать жизнь, свое время, видеть в зародыше сегодняшнего дня прообраз будущего — это тоже своеобразный дар, говорят, что самыми первыми слышат свою эпоху композиторы...

— Я думаю, что таким предощущением обладают разные люди независимо от того, чем они занимаются. Одно и то же время совершенно по-разному может быть услышано разными людьми. Одни слышат его диссонансным, другие — несущим будущий свет. И те, и другие правы. Их, казалось бы, противоречивые ощущения и дают истинную картину того времени, в которое они живут. Я, например, воспринимаю реальность как постоянную и непредсказуемую борьбу света и тьмы, добра и зла. Добро и свет несут в себе познание и устойчивость. Зло и тьма — хаос. Наверное, так было всегда. Хочется верить, что в этом сражении победа останется за светлыми силами.

— Сейчас очень настойчиво звучит голос противников исто-